

Тот, кто сказку сделал былью

Частная галерея отмечает юбилей народного художника Дмитрия Налбандяна

“В родном городе”. 1972 г.

Слева: “Портрет И.Сталина с трубкой”. 1949 г. Справа: “Портрет Н.Хрущева”. 1964 – 1993 гг.

Этой осенью действительно члену Академии художеств СССР, народному художнику СССР, лауреату Сталинской и Ленинской премий, Герою Социалистического Труда, портретисту Сталина и Брежнева, автору “Ленинианы”, живописцу Дмитрию Налбандяну могло бы исполниться 100 лет. И ведь действительно могло бы – старожил советского искусства не дотянул до своей наикруглейшей даты всего 13 лет и, как кажется, ушел из жизни не от дряхлости (с кавказскими генами долголетия армянина, родившегося в Грузии!), а от понимания того, что эпоха, которая во всех смыслах его кормила, ушла безвозвратно. Ушло время, когда можно было быть монополистом в получении госзаказов, когда была одна идеология и несколько спецраспределителей. Но, скорее всего, Налбандян тосковал даже не по материальному и денежному довольствию, поскольку и в последние годы эффективно обменивал содержимое своей мастерской на рубли и на доллары (иные оценивали его описи даже в пересчете на “хонды” и “тойоты”). Тосковал по той странной славе, которая многих от него отталкивала, но заставляла с ним считаться и значение которой понимал только он один.

Поводом же вспомнить о Дмитрии Налбандяне послужила чрезвычайная активность дилера и коллекцио-

нера Леонида Шишкина, устроившего подряд несколько выставок художника – одну на минувшем Антикварном салоне в ЦДХ, другую у себя в галерее на Неглинной. Выпустив к ним изящный каталог живописи и графики Налбандяна из частных собраний с вкраплением собственных воспоминаний о художнике, ибо в поздние годы он был его почти единственным конфидентом. Галерист даже накрыл для искусствоведов “круглый стол”, поставив в его центре вместе с вином и фуа-гра вопрос: измеряется ли значение Налбандяна только успехом на сегодняшнем художественном рынке или же это фигура, поднимай выше, важная и для истории искусства? То есть надо понимать так: в последнем случае он должен стоять еще дороже. Надо ли говорить, что под конец прений каждый из оппонентов, как в ток-шоу “Культурная революция”, остался при своем.

А между тем Дмитрий Налбандян действительно значительная фигура, но только не для искусства, а в рамках “Культуры-2”. Так некогда поделили по контрасту с бурными первыми послереволюционными годами монументально застывшую, архаичную сталинскую эпоху искусствовед, архитектор и дизайнер, эмигрант Владимир Палерный. То есть Налбандян был замечательным мифологизатором и манипулятором. Кстати, и сам г-н Шишкин проговаривается об

этом в своем тексте: “Биография нашего героя описана ничуть не менее подробно, чем биографии его главных моделей – советских вождей, и так же мифологизирована”.

Начать с того, что свою биографию Налбандян сочинял, как новый Джорджио Вазари – итальянский живописец и архитектор XVI века, более прославившийся своими красочными жизнеописаниями других художников. Оказывается, стучавший в сердце Налбандяна “пепел отца” (конечно, из рабочих), погибшего от рук грузинских меньшевиков в 1918 году в боях за советскую власть на Кавказе, был услышан железным наркомом Серго Орджоникидзе. Тот якобы и устроил сыну друга и соратника по борьбе первый кремлевский ангажемент – пригласил к себе в 1934-м, познакомил с Кировым для написания с него портрета и дальше все пошло-поехало.

Однако революционная хроника хромает на факты. Дело в том, что в 1918-м году никаких кровавых боев с грузинскими меньшевиками не было. О Налбандяне Орджоникидзе (если так оно и было на деле?) мог, скорее всего, узнать от своего портретиста – Евгения Лансере, который в 20-е годы в Тбилисской академии художеств обучал молодого армянина Мито.

Если перевернуть страницу этого “жизнеописания” и остановиться, например, на случае с портретом Ста-

лина 1946 года, то вызывает сомнение, как божьего живописца, живущего в “Метрополе”, да еще с рискованными знакомствами, вообще могли допустить к “хозяину”. Между тем в альбоме Леонида Шишкина опубликована целая серия “натурных” карандашных этюдов вождя второй половины 40-х с подписями “Набросок в Кремле”.

Однако любопытно то, что ни одним из этих набросков Налбандян так и не воспользовался при написании картин. На этих неуверенных, каких-то “жидких” рисунках (куда только подевалась школа Лансере?) предстают совершенно разные люди, которых не роднит даже опознаваемая усатость, и абсолютно не в тех ракурсах, что на полотнах. На картинах же вождь запечатлен так, словно спроецирован с кадров даже не документального, а художественного фильма. “Правдивые” наброски, вероятно, были сделаны с более или менее подходящих натурщиков. Ведь проговаривался же сам Налбандян о том, что фигуру вождя он писал с поджарого грузина, торговавшего пивом на Кузнецком Мосту. И действительно, Сталин на портрете 1946 года вышел настолько стройным, что без усилий смог сцепить пальцы рук на животе, явив перл иконографии – смесь благостного батюшки и молодцеватого маршала. Что “отцу народа” понравилось – Налбандян тут же получил Сталинскую премию. Таким образом, вся эта этюдная сюита – плод мистификации художника, решившего сочинить сам творческий процесс изучения и, так сказать, “проникновения в образ”.

Можно сказать, что и свою эстетику Дмитрий Налбандян сочинял похоже, равняя себя с мастерами русской реалистической школы, откуда его генезис вслед за ним и выводили серьезные искусствоведы. Он хотел, как Серов, писать девушку в розовом, но получалось как-то серо; пытался, как Поленов, изображать берега и дали Оки и Москвы-реки, но выходило плоско; пробовал по-левитановски взгрустнуть в пейзаже, а в итоге разводилась сырость. Равняясь на своего кумира, виртуоза Константина Коровина, он частенько давал волю своей кисти, но она начинала бесчинствовать, бесполоково ляпая краской, а отнюдь не работая цветом. Возможно, она подозревала, что ее держит рука симулянта, а не настоящего колориста. Чего, увы, не понимали и не понимают некоторые смотрящие на “налбандянов”. У него не было учеников, потому что за отсутствием техники передавать им было нечего. Не раскрывать же истинный “метод”? Ну а для приемных комиссий и художсоветов всегда был весомый аргумент – ресторан “Араги”. Живопись Налбандяна “приблизительная”, то есть неточная, подменяющая живость торопливостью и небрежностью, а цветность – пестротой. Но таковы же и ее ценители, обладатели “приблизительного” вкуса. И по крайней мере, в этих отношениях царит полная гармония.

Почему-то принято считать, что в пленэрных работах сказался “неофициальный” Налбандян, адепт чистого искусства. Но как становится очевидно, все это также было составной частью его персонального мифа, который он развивал в свободное от официальных заказов время. А оно у него бывало, особенно в хрущевскую оттепель.

Когда культ генсеков был не в чести, Налбандян лепил кистью историческую “Лениниану”, но про запас в мастерской всегда имелся полузавершенный по причине отставки героя в 1964-м портрет Хрущева – авось востребуется. Но не востребовался до 1993 года, пока в мастерскую не заглянул коллекционер Шишкин. И спустя почти тридцать лет Налбандян пририсовал Никите Сергеевичу лишнюю, пятую, золотую звезду. Возможно, перепутал с Брежневым. А возможно, наградил за порядочность и принципиальность, о существовании которых начал все же догадываться под конец жизни.